

Научная статья
УДК 81'26
DOI 10.18101/2686-7095-2023-1-17-24

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ *ГРАЖДАНИН* В АСПЕКТЕ ОБЩИХ ПРАВ И СВОБОД НА ПРОТЯЖЕНИИ РАЗВИТИЯ ИНТЕРТЕКСТА КОНСТИТУЦИИ РОССИИ

© Татаурова Дарья Михайловна
кандидат филологических наук, преподаватель,
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
darya.tataurova@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется трансформация понятия *гражданин* в рамках интертекста Конституции России. Единица *гражданин* цитируется в каждой из четырех интертекстуальных версий Основного закона РСФСР: 1918, 1925, 1937 и 1978 гг., а также в тексте Конституции РФ 1993 г., варьируясь и отражая новые политические и правовые реалии государства на момент действия актуальной редакции Конституции. Выявление тенденций эволюционных процессов было осуществлено в аспекте последовательного анализа изменений сигнификативного состава данного понятия, эксплицирующего общие права и свободы. В рамках работы был проведен анализ признаков «свобода совести» и «свобода печати», на основании чего делается вывод о пролиферации идеологического компонента семантики, включающего репрезентацию снижения значения религии, и о последующем проявлении противоположной тенденции. Кроме того, изначально редуцируется объем языковой экспликации других свобод в рамках нейтрализации оппозиции предшествующего монархического государственного устройства и актуального на момент издания рассматриваемых редакций Конституций социалистического строя. На последнем этапе трансформационного процесса наблюдается возрастающий объем экспликации свободы слова.

Ключевые слова: Конституция, интертекст, цитата, гражданин, право, понятие, сигнификат, сигнификативный признак, свобода совести, свобода печати.

Для цитирования

Татаурова Д. М. Трансформация понятия *гражданин* в аспекте общих прав и свобод на протяжении развития интертекста Конституции России // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. Вып. 1. С. 17–24.

Конституция, будучи одним из документов, обладающих наиболее высоким политическим и юридическим статусом, фиксирует и отражает реализацию гражданства как актуализации взаимодействия человека и государства. Данная базовая категория в конституционном интертексте России передается посредством лично-ориентированного понятия *гражданин*. Таким образом, гражданство объективируется в Основном законе через лингвистическую репрезентацию прав и обязанностей субъекта в данном государстве и по отношению к последнему.

В зависимости от текущей политико-правовой обстановки реализация гражданства подвергается изменениям, что незамедлительно находит языковое выражение в Основном законе, в том числе в трансформации единицы *гражданин*. С целью выявления данных процессов представляется возможным проанализи-

ровать разделы различных редакций Конституции России, содержащие информацию об основных правах и обязанностях граждан, при этом Основной закон в данном исследовании будет представлен как интертекст.

Любой текст, в том числе и текст Конституции, представляет собой системную совокупность цитат, прямых и не прямых, воспроизводящих прецедентные тексты [1]. Прецедентные тексты же, согласно классическому определению Ю. Н. Караулова, обладают эмоциональной и когнитивной значимостью для субъекта (в случае Конституции ее предыдущие редакции, или претексты, имеют значимость для граждан данной страны), сверхличностностью, то есть важностью для широкого (как во временном, так и в пространственном плане) круга людей, частью которого является адресат (интертекст Конституции значим для совокупности граждан данной страны на всей ее территории и на протяжении всего временного периода существования интертекста Конституции), и возобновляемостью, реализуемой в дискурсе адресата (граждане определенной страны так или иначе в процессе взаимодействия с государством через представителей его институтов актуализируют конституционный интертекст, цитируя его) [4].

Анализ, произведенный в статье, осуществлен с точки зрения интертекстуального подхода, так как именно данный способ исследования текстов позволяет проследить динамику изменения понятий и их характеристик [11]. Существует множество научных мнений касательно интертекста и интертекстуальности, обусловленных сложностью и неоднозначностью данных феноменов лингвистики. Мы придерживаемся научных взглядов Т. Е. Литвиненко: интертекстуальность есть «соотнесенность текста с его типом и/или другим текстом (текстами), обуславливающая возобновляемость включенных в них понятий и средств их языковой (или иной знаковой) репрезентации» [7, с. 93].

Конституция эксплицитно выражает свою интертекстуальность через свое последовательное воплощение в новых редакциях, ссылаясь на предыдущие версии, но при этом репрезентируя заложенное юридическое и правовое знание в видоизмененном формате согласно актуальной государственной обстановке с помощью цитат — средств интертекстуальной связи, отсылающих к претексту, но обладающих модифицированным содержанием. В качестве цитат выступают языковые единицы и соответствующие им понятия, которые видоизменяются при каждом новом воплощении, обновляя содержание интертекста Основного закона [8; 9].

В интертексте Конституции функционирующей единицей, стоящей за языковой репрезентацией, или именем, на наш взгляд, является понятие, а не концепт. Оно обладает сложной структурой и представляет собой результат рациональной деятельности, касающейся кодификации политико-правовых феноменов, не являясь продуктом обыденной когниции, в отличие от концепта [2; 3; 5]. Понятие обладает определенным кругом характеризующих его признаков, или сигнификатом, который также соотносится с именем.

Назначение Конституции с лингвистической точки зрения раскрывают следующие целевые функции: императивная (обязательство граждан соблюдать нормы), информативная (обеспечение знаниями, их доведение до субъектов гос-

ударства) и оценочная (констатация ценностей государства применительно к гражданам) [6].

Понятие *гражданин* в российской Конституции, по большей части определяется такими сигнификативными признаками, как «избирательное право» и «воинская обязанность», более того, оно обладает многозначностью, в частности, благодаря разной степени реализации упомянутых признаков. Однако целью данной работы является анализ эволюции части сигнификата, которая характеризует понятие *гражданин* в общем смысле как гипероним и которая актуальна для всех его гипонимических вариантов [10].

В Конституции РСФСР 1918 г. впервые выделяется сигнификативный признак «свобода совести»¹:

13. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

Новизна данного признака актуализируется определением «действительная» и включает в себя семантические составляющие «независимость государства от церкви», «независимость школы (другими словами, образования) от церкви», «свобода религиозной/антирелигиозной пропаганды». Таким образом, «свобода слова» в данном аспекте связана с семами «образование» и «пропаганда». Конституция 1925 г.² практически без изменений цитирует языковую объективацию данного права.

Конституция 1937 г.³ цитирует данный фрагмент почти без изменений, однако атрибут «действительная», расположенный перед языковой единицей «свобода совести», элиминируется в связи с отсутствием идеологической необходимости языковой экспликации контраста между политическим устройством СССР и предшествующим монархическим строем. Предикат «отделена» в форме прошедшего времени также свидетельствует о завершённом процессе становления социалистического государства. «Религиозная пропаганда» заменяется на «отправление религиозных культов», то есть в семантическом выражении религия в свете идеологии социализма не может быть пропагандируема, следовательно, не имеет значимого влияния:

Статья 128. В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в РСФСР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

¹ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (1918). URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_\(1918\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_(1918)) (дата обращения: 22.01.2023). Текст: электронный.

² Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (1925). URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_\(1925\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_(1925)) (дата обращения: 22.01.2023). Текст: электронный.

³ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (1937). URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_\(1937\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_(1937)) (дата обращения: 22.01.2023). Текст: электронный.

В Конституции РСФСР 1978 г. продолжается модификация выражения сигнификативного признака «свобода совести»¹:

Статья 50. Гражданам РСФСР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается.

Церковь в РСФСР отделена от государства и школа — от церкви.

В данном интертексте приводится дефиниция языковой единицы «свобода совести»: если в претекстах «право исповедовать любую религию» не подлежало экспликации и признак «свобода совести» имплицитно семантизировался скорее как «отсутствие необходимости иметь религию», а не «возможность исповедования любой религии либо отсутствия какой-либо веры», то теперь «свобода слова» последний семантический компонент включила. Это актуализируется с помощью следующей фразы: *Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается. Языковая объективация отделения церкви от государства и школы располагается в конце цитаты, в отличие от трех предыдущих претекстовых фрагментов, что дополнительно свидетельствует о семантической нейтрализации антонимии ментальных единиц «свобода слова» и «исповедование религии».*

Далее рассмотрим сигнификативный признак «свобода печати». В первой редакции Конституции РСФСР 1918 г., как и в случае с рассмотренной выше составляющей сигнификата «свобода слова», снова происходит языковая экспликация противопоставления предшествовавшего появлению данной Конституции капиталистического строя и нового, социалистического государства.

Данная оппозиция актуализируется, во-первых, вновь примененным определением «действительная» перед языковой единицей «свобода выражения своих мнений», которая репрезентирует «свободу печати», во-вторых, пейоративно окрашенным выражением «зависимость печати от капитала». Объективация признака «свобода печати», его всеобъемлющего характера профилируется с помощью следующих языковых единиц, включающих в себя местоимения «все» и «всякие другие»:

14. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы выражения своих мнений Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика уничтожает зависимость печати от капитала и предоставляет в руки рабочего класса и крестьянской бедноты все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати и обеспечивает их свободное распространение по всей стране.

Конституция 1925 г. почти без изменений цитирует языковую репрезентацию признака «свобода печати», за исключением того, что единица «крестьянская беднота» заменяется аналогом «крестьяне», благодаря чему становится чуть менее выраженной семантическая оппозиция между старой моделью государства, владеющего капиталом, деньгами в лице его буржуазных представителей, и новым строем, за которым стоят классы без особых материальных средств.

¹ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (1978). URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_\(1978\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_(1978)) (дата обращения: 22.01.2023). Текст: электронный.

В следующей же интертекстуальной версии Конституции РСФСР 1937 г. происходят значительные трансформации в выражении данного признака. В этот раз элемент сигнификата «свобода печати» эксплицирует не свободу выражения мнений, а политическую стабилизацию и упрочение идеологии социализма. Более того, имя, репрезентирующее этот признак, объединено в одной цитате с другими сигнификативными признаками: «свобода слова», «свобода собраний и митингов», «свобода уличных шествий и демонстраций». Сокращение объема языковой репрезентации свидетельствует об уменьшении значения данного признака.

Статья 129. В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам РСФСР гарантируются законом:

- а) свобода слова;*
- б) свобода печати;*
- в) свобода собраний и митингов;*
- г) свобода уличных шествий и демонстраций.*

Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления.

Цитация рассматриваемого сигнификативного признака в тексте Конституции 1978 г. кардинально не отличается от своего претекстового варианта: сохраняется акцент на идеологической важности «свободы печати» для государства, однако в цитату добавлена единица «развитие», что констатирует закрепление социализма в качестве идеологии. Рассматриваемый признак сигнификата по-прежнему объединен с репрезентациями других свобод, более того, они помещены в пределах одного предложения, что выражает еще меньшую актуальность данных признаков понятия *гражданин* в интертексте Конституции РСФСР.

Статья 48. В соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя гражданам РСФСР гарантируются свободы: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций.

Осуществление этих политических свобод обеспечивается предоставлением трудящимся и их организациям общественных зданий, улиц и площадей, широким распространением информации, возможностью использования печати, телевидения и радио.

Таким образом, исходя из анализа сигнификативных признаков понятия *гражданин* можно сделать вывод о том, что на протяжении его трансформации в пределах Конституции РСФСР все в большей мере репрезентируется недостаточная существенность религии в персонально-государственных отношениях, данная тенденция наблюдается на примере элемента сигнификата «свобода совести». Кроме того, изменяется объективация признака «свобода печати»: можно проследить переход от изначально расширенной экспликации выделенности этого признака в сигнификативном составе до проявлений малого семантического объема; а также увеличение его идеологической окрашенности. На примере репрезентации обоих признаков установлено снятие экспликации оппозиции монархии и социалистического устройства, так как необходимость противопоставления отпала ввиду упрочения последнего.

В заключение для полного отражения динамики развития данных понятий рассмотрим последнюю на данный момент версию конституционного интертекста, актуализированную в Конституции РФ 1993 г.¹:

Статья 28. Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Признаки «свобода совести» и «свобода вероисповедания» эксплицированы отдельно, последний пролиферируется, включая семантические составляющие «возможность выбора индивидуального или группового вероисповедания», «свободный выбор религии», возможности «обладания религиозными убеждениями», «распространения религиозных убеждений», «действия в соответствии с религиозными утверждениями».

Признак же «свобода печати» подвергся элиминации, войдя в семантический охват сигнификата «свобода массовой информации» в статье, лингвистически репрезентирующей признак «свобода мысли и слова» в отличие от предыдущих версий. «Свобода собраний» и подобные признаки актуализируются в другой цитате, будучи семантически дистанцированными. Претекстовая составляющая «предоставление ресурсов государством» более не выражена, зато приводится лингвистическая экспликация возможных способов взаимодействия с информацией и существования сведений, которые не подлежат данному взаимодействию, будучи засекреченными государством. Прямо объективируется отсутствие цензуры, а также наличие немалого значения других средств передачи информации, помимо печати:

Статья 29. 1. Каждому гарантируется свобода мысли и слова <...>.

4. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом.

5. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается.

Из рассмотренного выше следует, что смена политической обстановки в стране потребовала внесения коррективов в существующие языковые проявления прав и свобод, в том числе рассмотренных в статье. Реализация сигнификативного признака «свобода совести» поменяла свой вектор, элиминировав семантическое присутствие государственной идеологии, но включив распространенную объективацию аспектов, связанных с религией. Второй же изучаемый элемент сигнификата «свобода печати» подвергся уменьшению семантического объема, фактически влившись в единицу «свобода слова», что отражает меньшую актуальность его реализации в конституционном интертексте.

¹ Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 г. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.01.2023). Текст: электронный.

Д. М. Татаурова. Трансформация понятия *гражданин* в аспекте общих прав и свобод на протяжении развития интертекста Конституции России

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Текст. Москва: Прогресс, 1989. 616 с. Текст: непосредственный.
2. Болдырев Н. Н. Прототипический подход к формированию категорий. Понятие прототипа // Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. С. 73–84. Текст: непосредственный.
3. Демьянков В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: сборник статей в честь академика Н. Ю. Шведовой / ответственный редактор М. В. Ляпон. Москва: Азбуковник, 2007. С. 606–622. Текст: непосредственный.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / ответственный редактор Д. Н. Шмелев. Москва: Наука, 1987. 263 с. Текст: непосредственный.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 560 с. Текст: непосредственный.
6. Ли Ц. Лингвистические характеристики законодательного текста (на примере Конституции Российской Федерации) // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Томск: Изд-во Национального исследовательского Том. политехн. ун-та. 2014. С. 240–244. Текст: непосредственный.
7. Литвиненко Т. Е. Лингвотеоретические аспекты изучения интертекста // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 12. С. 92–96. Текст: непосредственный.
8. Литвиненко Т. Е. Латиноамериканский конституционный интертекст в свете проблем кодификации специальной лексики языка // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: монография. Москва: Тезаурус, 2011. С. 262–280. Текст: непосредственный.
9. Литвиненко Т. Е. Конституция как интертекст // Вестник ИГЛУ. 2012. № 1(17). С. 76–81. Текст: непосредственный.
10. Татаурова Д. М. Эволюция понятий «подданство» и «гражданство» в конституционном интертексте: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Иркутск, 2022. 197 с. Текст: непосредственный.
11. Цыремпилов А. О., Клиновский М. А. Термины как идееобразующие конструкции научно-технического текста // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер. Филология. 2020. Вып. 2. С. 16–20. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 29.01.2023; принята к публикации 15.02.2023.

TRANSFORMATION OF THE NOTION *CITIZEN* IN TERMS OF GENERAL RIGHTS AND FREEDOMS IN THE COURSE OF THE RUSSIAN CONSTITUTION INTERTEXTUAL DEVELOPMENT

Darya M. Tataurova

Cand. Sci. (Phil.), Lecturer of English Philology Department,
Irkutsk State University
1 Karla Marksa St., Irkutsk 664003, Russia
darya.tataurova@mail.ru

Abstract. The article studies the transformation of the notion *citizen* within the intertext of the USSR Constitution. The notion *citizen* is quoted in each of the four intertextual RSFSR Constitution versions published in 1918, 1925, 1937 and 1978, and the Russian Federation Constitution published in 1993, which develops and reflects new juridical and political government environment. We have identified the trends in evolutionary processes by consideration of a notion *significatum*, which represents general rights and freedoms. As part of the research, we have analyzed the concepts "freedom of conscience" and "freedom of the press". It is concluded that the development of ideological semantics includes representation of decreasing importance of religion, but then the tendency changes its direction. Besides, the explication of language representation of opposition between monarch state of the Russian Empire and socialist state of the USSR is reduced, and on the latest stage of transformation the increasing role of freedom of speech is linguistically explicated.

Keywords: Constitution, intertext, citation, citizen, law, notion, *significatum*, significative feature, freedom of conscience, freedom of the press.

For citation

Tataurova D. M. Transformation of the Notion *Citizen* in Terms of General Rights and Freedoms in the Course of the Russian Constitution Intertextual Development. *Bulletin of Buryat State University. Philology.* 2023; 1: 17–24 (In Russ.).

The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 29.01.2023; accepted for publication 15.02.2023.